

Педерастия в системе классической пайдейи

Баруткин Денис

Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет»

sexserpens@gmail.com

Проблему однополых отношений, столь важную для понимания античной цивилизации, ученые, в большинстве своем, всегда рассматривали с чрезмерной осторожностью, в лучшем случае ограничиваясь упоминанием о факте «противоестественных» связей. Лишь французский историк Анри Марру в достаточной степени раскрывает тематику однополых отношений в пайдейе (История воспитания в античности: Греция), однако, и он не обходится без жесткой моралистической критики. В современной отечественной науке этой проблеме, в русле историко-социологического исследования однополых сексуальности, некоторое внимание уделил Игорь Семенович Кон. В связи с такой постановкой проблемы, говоря о древнегреческой педерастии как об институционализированном социальном явлении, в первую очередь, важно определить степень приятия данного явления в элитарных кругах общества. Термин «девиация» является, здесь анахронизмом, призванным показать исключительность такого явления в контексте развития мировой культуры. Сами же греки Классической эпохи вопрос о норме/девиации не ставили, рассуждая лишь об определении условной грани между «педагогическим эросом» и, собственно, сексуальностью, по большей части придерживаясь позиции «педагогического эроса» (педерастии – совокупность морально-нравственных норм воспитания граждан, «женоненавистнический идеал совершенной мужественности»). «Я говорю о любви к мальчикам, так как это имеет отношение к образованию», – говорит Ксенофонт, повествуя о деятельности спартанского царя Ликурга. Мыслитель отмечает, что законодатель поощрял духовную сторону педерастии: «хвалил и считал такое воспитание прекраснейшим», одновременно создав прецедент наказания за «обнаружение стремления к телу юноши» (Ксенофонт. Лакедемонская полития. II, 12-13). Соответствующая педагогика была призвана отражать эту однополую мораль. Разница в возрасте старшего – ἐραστήν (эраст) и младшего – ἐρώμενον (эромен) задает между ними отношения неравенства. Желание старшего привлечь, произвести впечатление рождает у младшего чувство восхищения, которое, в свою очередь, также оказывает на эраста облагораживающее воздействие: «Величайшее счастье для того, кто желает из любимого маль-чика сделать себе хорошего друга, это то, что ему и самому необходимо стремиться к добродетели» (Ксенофонт. Пир, VIII, 27). В анализе этого явления, как и многих других, эллинская философия достигла значительной степени глубины. Платон и Ксенофонт единомышленны во мнении, что уже Сократ умел решительно противопоставлять любовь половому влечению. Сам Платон, в период расцвета своей философской мысли, категорически утверждал: связь, порожденная Эротом, создает между любовниками «куда большую близость», чем та, что существует между родителями и детьми (Платон. Пир. 209 с). Позже, порицая физические контакты, он все же остался верен идее того самого «педагогического эроса», который «сопряжен с добродетелью и заставляет юношу стремиться к достижению высшего совершенства» (Платон. Законы. 837 d). Сомнения педагогического и этического порядка высказывает и Аристотель, рассуждая в своей «Политике» о том, как избежать соращения мальчиков. Все вышеупомянутые философские изыскания производились в эпоху, когда греческое (элитарное) воспитание было прежде всего нравственным – формирование характера, личности – и осуществлялось в обстановке изящной жизни, одновременно спортивной и светской, под руководством старшего, в рамках мужской дружбы-любви. Таким образом, в любовной связи присутствует усилие воспитания с одной стороны и взросления с другой, причем первое окрашено отеческой снисходительностью, второе – послушанием и восхищением. Конечно, эта страстная привязанность часто превращалась в менее чистые, более плотские отношения, но такова человеческая природа.

До питання щодо походження легенди про амазонок

Білокудря Оксана

ХНУ імені В. Н. Каразіна

Ksenia_Riddle@ukr.net

Легенди про амазонок в різних трансформаціях дійшли до нас з часів античності. При цьому легко помітити, що часто одні й ті ж елементи викладаються по-різному навіть в одного автора. Часто античні автори асоціюють амазонок з савроматками, що навело деяких істориків на думку про савроматські племена як історичну основу для легенди. Звідси випливає питання походження легенди про амазонок.

Враховуючи те, що дане питання не знайшло достатнього висвітлення в історіографії, автор буде спиратися перш за все на джерельну базу. Серед дослідників, що розглядали походження легенди можна назвати Т. В. Мірошину, М. В. Скржинську Ф. М. Беннет та ін. В античній традиції походження міфу не розглядається. Проте, використовуючи дані робіт давньогрецьких авторів (Гомер, Геродот, Плутарх та ін.) можна створити певну картину.

Наукова новизна дослідження полягає в узагальненні даних легенди і формуванні на їх основі можливих варіантів її походження.

Єдиної версії щодо утворення легенди про амазонок немає, проте в сучасній історіографії склалося два напрямки. У першому з них виділяють кілька теорій: 1) амазонки були воїнами-жрицями з Кападокії і хетти передали легенди іншим народам; 2) така традиція виникла зі спогадів про набіги киммерійців та скіфів; 3) легенда про амазонок заснована на помилковому понятті греків, що безбородість – це ознака жіночої статі. Інший напрям теорій щодо утворення легенди пов'язаний з релігійними аспектами. Частина дослідників вважає, що легенди про амазонок пов'язані з тими областями, де існував культ Великої богині.

Аналізуючи ці версії, можна сказати, що кожна з них має свої слабкі місця. Пов'язувати поширення міфу з набігами кочівників не варто, оскільки Гомер, в роботах якого вперше згадуються амазонки, передає легенду, що давно сформувалась, і стосується давніх часів (невизначених, але – до Троянської війни). Новий її прояв у I тис. до н. е. можна пояснити знайомством греків зі звичаями варварів, де жінки володіли зброєю. Щоб пояснити такий феномен, греки перенесли звичне для них поняття «амазонка» на варварських вершниць. До того ж, устрій кочових племен жодним чином не відповідав устрою амазонок. Всі походи і битви з героями пояснюються лише тим, що в уявленні греків амазонки пов'язувались з божествами (дочки Ареса, подвійна сокира – атрибут головного бога в крито-мікенській культурі тощо), а в міфах всі головні герої мали воювати саме з чимось божественним. Більш реалістична версія – про культовий характер легенди. Можливо, її утворення мало за основу існування в давнину жриць Великої Богині, що виконували ритуальні військові дії з метою закликання успіху у війні чи на полюванні (як це було в первісних племенах). Звідси – вшанування Артеміді – богині мисливства та Ареса – бога війни, як головних богів класичних амазонок. При цьому, така категорія жриць могла жити окремо від племені, що уособило в легенді свою державу. Тоді стає зрозумілим поклоніння Аресу. Навряд чи б класичні мужевбивці допустили в свій культ бога-чоловіка. До всього варіанти значення слова «амазонка» допускають такі, що стає зрозумілим: вони були пов'язані з культом Місяця.

Зважаючи на відсутність єдності легенди, можна сказати, що скоріш за все, вона сформувалась з кількох локальних легенд на різних територіях (Фракія – місце народження амазонок, Кавказ – їх прабатьківщина в більшості варіантів легенди, Мала Азія – класична локалізація царства). Симбіозом кількох легенд міг утворитися класичний міф про амазонок.

Таким чином, можна зробити висновок, що коріння розповідей про амазонок сягає таких давніх часів, що навіть давньогрецькі письменники I тис. до н. е. вважали їх легендами. Цей варіант пов'язаний, скоріш за все, з якимись ритуальними практиками. Другий аспект

легенди – варварський, пов'язаний зі знайомством греків зі способом життя варварських племен скіфського часу. Класична легенда, що дійшла до наших часів, різниться в окремих варіантах, що дає підставу говорити про початково-різні перекази, які згодом з'єдналися в одну легенду.

Формування громадянина у Давній Греції класичного періоду

Вар'ян Оксана

Запорізький національний університет
oksana-varian@rambler.ru

Формування громадянина залежить від взаємодії трьох основних компонентів: суспільних норм, основних функцій громадянина у державі та ієрархії цінностей. У Давній Греції тісний зв'язок між громадянином і полісом визначив вплив суспільної організації на образ громадянина. Актуальність дослідження формування громадянина у Давній Греції обумовлена високим статусом громадянина поліса та визначним місцем громадянської общини у системі цінностей.

Метою даної роботи є аналіз процесу формування громадянина у Давній Греції та базових цінностей, покладених в його основу. Джерельна база представлена працями Аристотеля, Ксенофонта, Плутарха, Фулідіда, судовими промовами Демосфена, Есхіна, Ісократ, Лісія, Лікурга Афінського. Використані дослідження В. П. Бузескула, В. Йегера, Г. Жураківського, А. Ф. Коптева, А-І. Марру, В. А. Тронкосо, Т. Фотопулуса. Використані методи: історико-генетичний, структурно-функціональний, аналізу та синтезу.

Новизна роботи полягає у спробі розглянути процес формування громадянина у Давній Греції, як історичне явище.

Полісні цінності – ісономія, ісегорія, справедливість, піклування про благо полісу, шанування богів, предків та батьків, складали ідейну основу функціонування громадянської общини та формування громадянина. Громадянин повинен був втілювати суспільно визнані особисті чесноти – мужність, відвагу, поміркованість та помірність, честлюбство, прагнення до слави, освіченість. Процес формування громадянина у Давній Греції пов'язаний з пайдейєю, він включав обов'язковий курс освіти та соціокультурні впливи. С. Аверинцев зазначав, що висхідним значенням пайдейї було соціально-побутове – навчання та виховання дитини для подальшого включення її в колектив громадян. Пайдейя кінця V – початку IV ст. до н. е. включала процес розвитку особистості, накопичення знань і навичок, практичну участь у житті полісу та активну громадянську позицію.

Громадянська освіта передбачала інтерналізацію полісних цінностей та культурних зразків задля формування громадянина – активного учасника суспільно-політичних процесів, наділеного персональною відповідальністю за благо полісу. Попри різні уявлення про ідеального громадянина та відмінності державного ладу, формування громадянина у Афінах та Спарті було справою державного значення. Основний курс освіти в Афінах, поєднуючи мусичну та гімнастичну складові, закінчувався у ефебії, яка забезпечувала ініціацію юнаків та передувала включенню в списки демотів. В якості громадянської освіти та практики формування особистості, пайдейя передбачала подальшу освіту у вчителів (філософів, політичних діячів) обраних самостійно, соціокультурні впливи. Суспільне виховання у Спарті ставило за вищу цінність громадянську доблесть, як соціальну категорію причетності до колективу громадян полісу, до особистих чеснот громадянина належали мужність, витривалість, доблесть, покірність, впертість та вміння перемагати. Публічний простір виконував соціалізуючу роль у межах громадянської общини. Більшість часу громадянин проводив поза ойкосом. Агора, суд, театр, змагання та релігійні свята стали не тільки проявом соціальної активності, а й фактором соціалізації, складовою пайдейї. Подібна ситуація склалась й у Спарті, де агели, сісітії, лесхи виступали інститутами формування громадянина.

Особливості формування громадянина у Давній Греції стали наслідком політичного, економічного та культурного розвитку полісу, що обумовило домінування двох типів громадянина – воїна у Спарті та гармонійної особистості у Афінах. Основу образу ідеального громадянина складали полісні цінності та особисті чесноти. Процес формування громадянина, його пайдейя, включав курс громадянської освіти та навчання протягом життя у самостійно обраних вчителів. Становлення громадянина відбувалося під впливом

соціокультурних факторів – засідань суду та народних зборів, театральних вистав, релігійних культів, святкових процесій та змагань, ігор.

Генезис культа эллинистического правителя в Египте

Габля Баграт

ХНУ имени В. Н. Каразина
gabliabagrat@ukr.net

Культ правителя принадлежит к числу наиболее характерных и вместе с тем наиболее неоднозначных явлений эллинистической идеологии. Споры вокруг этого феномена не утихают на протяжении более чем столетия, и многое из того, что сегодня говорится о нем – не столько отражение античных реалий, сколько дань историографической традиции. Культ эллинистических правителей, существовавший в греческих полисах, кардинально отличался от организуемого царями официального династического культа. Э. Биккерман выдвинул теорию о существовании в эллинистическом мире двух культов. Официального династического и собственно полисного.

Ученые, которые занимались изучением царского культа в Египте, конца XIX – начала XX веков придерживались теократического подхода в определении данного культа. То есть власть монарха обеспечивалась божественным авторитетом.

В отечественной историографии сложилась ситуация, когда основное внимание уделялось не каким-либо историческим личностям, деятельность которых относится к эпохе эллинизма (исключение составляют разве что Александр Македонский и Клеопатра VII Великая), а в первую очередь тем тенденциям, которые были характерны для развития эллинистического Египта в политической сфере. Однако, методы, применявшиеся в религиозной сфере, достаточного освещения не получили, что необходимо исправить.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы выявить определенные закономерности развития экономической ситуации с утверждением культа эллинистического правителя в Египте. При этом нужно учитывать становление культа правителя в условиях политической специфики внутренней и внешней политики царства Птолемеев. Так же необходимо дать ответ на вопрос о взаимовлиянии политического, экономического и религиозного влияния друг на друга.

Задачи исследования состоят в том, чтобы на основе анализа имеющихся источников по данной тематике, изучить становление культа правителя, через призму экономических отношений. При обосновании выводов источники должны использоваться в комплексе, неразрывно друг от друга. Так же необходимо учитывать мнения отечественных и западных историков относительно данного синтеза. Нужно выявить причины недостаточной заинтересованности темой этого исследования в мировой историографии. Должен быть привлечен археологический материал для обоснования научных догадок. Детального разъяснения требует освещение динамичности политики Птолемеев в религиозной сфере. В отличие от религиозной политики, экономическая исследована довольно широко.

Таким образом, возможно специфика деятельности Птолемеев в сфере религиозной жизни заключалась в наличии двух тенденций. Первая тенденция проявлялась в наследовании религиозной политики фараонов и толерантности к существованию в монархии различных религий. Культ фараона, существовавший тысячи лет, оказал влияние на политику Птолемеев. Можно сказать, что фигура фараона была символом египетского государства, его единства и процветания. Фараон – это гарант благоденствия его подданных. Вторая тенденция заключалась в модернизации царского культа за счет организации династического культа и культа почитания обожествленных цариц из рода Птолемеев.

Культ эллинистического правителя – это, прежде всего, воздаяние почета за личные заслуги и благодеяния каждого конкретного монарха. Правителю воздавались почести не потому что он сакральный объект, а потому что он совершил богоравные деяния. Эллинистический культ «привязан» к личности и деятельности царя. Правитель не удостоивался почитания «автоматически», только после совершения «богоравных» деяний.

Роль и специфика эллинистической монархии в смещении династии Диодотидов в Греко-Бактрии при перевороте 225 г. до н. э.

Гордиенко Владимир

Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет»
647687@bsu.edu.ru

История эллинистической Бактрии является одной из самых малоразработанных областей антиковедения. Особенно это касается царской власти, ведь скудность литературных и эпиграфических источников не позволяют делать категоричных заявлений по этой проблеме. Правление Евтидема I представляет качественно новый этап в эллинистической монархии в Греко-Бактрии. Реформировать систему управления его заставил печальный опыт предшественников, не видевших разницы между эллинистической монархией и восточной деспотией. Проблемами эллинистической монархии в Греко-Бактрии занимались многие отечественные и зарубежные исследователи. Англоязычная историография до сих пор базируется на двух «китах»: сочинении В. Тарна «The Greeks in Bactria and India» и работе А. К. Нарайна «The Indo-Greeks». В. Тарн считал эллинистическую монархию в Греко-Бактрии классической, А. К. Нарайн – не эллинистической, а принципиально новым видом восточной деспотии. В отечественной историографии данную проблему прямо рассматривал лишь А. А. Попов. Но до сих пор ни один исследователь не попытался изучить генезис формирования эллинистической монархии в Греко-Бактрии, хотя косвенные источники в состоянии помочь нам в этом. В попытке представить данную реконструкцию на основе имеющихся сведений и состоит научная новизна исследования. Основными литературными источниками по данной проблеме является пассаж по истории Греко-Бактрии, описанный в «Истории» Полибия и Эпитима сочинения Помпея Трога «История Филиппа» Юстина. Среди других источников необходимо отметить нумизматические и эпиграфические. В качестве основных методов нашего исследования были использованы комплексный подход к источникам, а также сравнительный метод. Сопоставлялись данные литературных, нумизматических и эпиграфических источников. Около 225 г. до н. э. в Греко-Бактрии происходит вооружённый переворот, в результате которого к власти пришла новая династия Евтидемов. Мы считаем, что причиной этого выступления явились проблемы в характере эллинистической власти в тот период. В 231 г. до н. э. объединенная армия Парфии и Бактрии победила войско Селевкидов, а парфяне даже учредили в честь этой победы праздник, как начало самостоятельной истории Парфии. Недовольной сближением с парнами, кочевниками захватившими Парфию, скорее всего, была местная бактрийская и согдийская знать, т. к. они видели явную угрозу со стороны степняков, которые захватили Парфию и основали там свое государство, отрезав тем самым территорию греко-бактрийского царства от других эллинистических государств. В результате пресеклись не только греческие колонизационные потоки, но и культурные связи. Монархия Диодота II, правившего страной в манере восточного деспота и не учитывавшего интересы страны, мешала вступлению греко-бактрийского царства в ряд эллинистических держав и лишила страну естественного союзника в борьбе со степняками – державы Селевкидов, которая официально признала независимость Греко-Бактрии во время правления Диодота I, отца второго и последнего правителя династии Диодотидов – Диодота II, и стала её союзником. Теперь же участь захвата кочевниками могла стать реальной и для Бактрии с Согдианой. В результате, союз эллинской и местной знати произвёл переворот, который возвёл на престол Евтидема I, выходца из Малой Азии, который перестроил систему монаршего управления греко-бактрийского царства в эллинистические рамки, в т. ч. путём введения института соправителей.

Наемники и общественно-политическая борьба в период кризиса полиса

Дорохов Михаил

БелГУ

658454@bsu.edu.ru

В антиковедении значительное внимание уделяется проблеме наемничества в Греции периода V-IV веков до н. э. Однако, в отечественной историографии большее внимание уделяется наемничеству как составляющей части военно-политических процессов на международной арене того времени, но оно носит описательный характер, выделяя лишь наиболее достоверные факты. Отдельные исследователи (Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов) связывают в своих работах феномен греческого наемничества с кризисом полиса, исследуя их взаимодействие. Крупных монографий, посвященных быту наемников, их мировоззрению, личностно-политической ориентации и духовной составляющей жизни фактически нет, и данным проблемам уделяется очень мало внимания. Поэтому, хотелось бы, во-первых, представить некоторый сравнительный анализ политических воззрений наемных стратегов, оставивших после себя военные труды, знаменитые трактаты, а также их высказывания, либо факты активной политической деятельности, зафиксированные современниками. Традиционно для Греции того периода необходимо разделить политические движения по трем основным направлениям: олигархии, власти демоса и набирающей силу тирании. Задачей исследования является анализ источников о деятельности знаменитых стратегов разного времени – Ксенофонта, Энея Тактика, Клеарха, направленной на политическую жизнь городов-нанимателей, степени их участия в политических решениях нанимателя, а также степень автономии наемного войска от действующих порядков и политических традиций нанимателя. Некоторые военные авторы того времени, как, например, Эней Тактик, выделяют разные типы поведения наемников и их обязанностей перед городом, в зависимости от стадии войны и баланса внутривнутриполитических сил в городе. Очень частыми стали «внутренние переходы» наемников от демоса к олигархии, и, наоборот, в пределах одной замкнутой политической системы полиса, а в некоторых случаях, наемники, сыграв на таком противостоянии, становились полноправными фактическими правителями полиса, как Клеарх в Гераклее. Военачальники, тесно связанные в той или иной степени со своим полисом и исполняя, зачастую, их гражданские обязанности, либо имея личные интересы, становились частично идеологами своего полиса, либо просто описывали его политическое устройство, выделяя его характерные черты, как Ксенофонт. Во-вторых, особенно интересны те мысли, а порой и законодательные акты стратегов-наемников, направленные на урегулирование земельных и долговых отношений в полисах. Необходимо отметить сильно контрастирующие рекомендации, касающиеся жесткого подавления неимущих слоев населения, до очень демократичного равного раздела земли и мер, направленных на погашение долгов из казны полиса, также установление ценза на роскошь и крупные владения земель. В-третьих, заслуживает внимания и степень участия стратегов в городском самоуправлении в более или менее мирное время. Здесь их статус неоднозначен, так как в ряде случаев наемники выступали только как военные советники и военачальники-исполнители, в других, несмотря на отсутствие гражданства полиса, могли играть решающую роль. В работе сделана попытка проанализировать степень участия наемников в трех заявленных, тесно связанных вопросах и сферах общественно-политической жизни полисов IV в. до н. э. на примере трех режимов устройства власти, опираясь на свидетельства военачальников – типичных представителей различных традиций наемничества: классической – до 50 годов IV в. до н. э., и появившиеся впоследствии новой традиции, в которой образ наемника уже не был связан с полисом, а наемная армия становилась самостоятельным объединением, стирая какую-либо принадлежность в гражданском отношении, и, фактически, являлось уникальным явлением, так как могло сформироваться в Греции лишь в период кризиса полиса.

Институт проксении как форма международных связей в Афинах и Спарте

Казначеева Алена

БелГУ

kaznacheeva-alena@mail.ru

В работе особое внимание уделяется проблеме государственного гостеприимства между представителями двух разных по устройству полисов: Афин и Спарты. Источниковую базу исследования составили труды древнегреческих историков классического периода, в частности Ксенофонта и Фукидида. Данные источников позволили уточнить цели заключения проксенических союзов между государством и чужеземцами обоих полисов. В работах И. Е. Сурикова, Е. В. Никитюка, Д. В. Казакова определена роль института проксении в развитии межполисных коммуникаций Греции V – IV в. до н. э. Однако, некоторые аспекты проблемы нуждаются в дальнейшем изучении. Хронологически наш выбор обусловлен, прежде всего, тем, что на этот период приходится расцвет общественных институтов, в том числе и института проксении.

При изучении данной проблематики использовались следующие общенаучные и специальные исторические методы: метод комплексного анализа источников и историографии, с помощью которого произведена систематизация имеющихся материалов, метод дедукции, сравнительно-исторический метод. Новизна работы заключается в том, что на основе частных примеров удалось выявить специфичные черты государственного гостеприимства, характерные для Афин и Спарты.

Природа государственного гостеприимства значительно отличается от природы индивидуального гостеприимства. Проксения выступала средством коммуникации между двумя крупнейшими полисами Греции, которая признавалась на официальном уровне. Налаживание межполисных дружественных контактов посредством участия проксена осложнялось разобщённостью в политике полисов. Однако стоит отметить, что в целом в Афинах и в Спарте проксенические отношения были прочны. Данный факт неоднократно подтверждает Фукидид, рассказывая о проксении между Периклом и царем Спарты – Архидамом.

Проксены Афин и Спарты могли возглавлять войска в военных походах друг против друга. Например, афинский проксен спартанцев Каллиас, ранее служивший в нескольких посольствах Спарты, в 390 г до н.э. руководил афинскими гоплитами, которые вышли в Коринф против спартанских войск. (Хен. 4.5.13). В случае если интересы проксена совпадали с интересами полиса, устанавливались тесные и близкие связи. Проксены Афин и Спарты принимали у себя послов соседнего полиса и заботились об их безопасности. (Хен 5.4.22).

Таким образом, развитие института проксении способствовало улучшению отношений между полисами, несмотря на противоречия, которые существовали во внешней политике Афин и Спарты. Проксены, действуя на международном уровне, могли не только заключать договоры и принимать послов, но и возглавлять войско. Это отличало афинских и спартанских проксенов от представителей полиса других государств.

Розпад держави Олександра Македонського за наративними джерелами

Козир Костянтин

ХНУ імені В. Н. Каразіна

kosyrkostya@yandex.ru

Держава Олександра Великого, створена ним і його послідовцями, ненадолго пережила свого створителя. Олександр при житті зміг утримати під контролем не тільки Грецію, підкорену Филиппом II, але і завоювати обширні території Персидської імперії, яка об'єднувала пестрий конгломерат народів. За своє стільки коротке правління Олександр прикладав багато зусиль, для того щоб сплутити народи свого державства. Смерть Олександра в 323 г. до н. е., одразу ж привела до численним розпрям серед його сподвижників, що вилилось в ожесточене протистояння, довговесяє з 321 г. до н. е. по 280 г. до н. е. В результаті, на території бывшій держави Олександра утворився ряд елліністических державств, управлявшихся династіями Птолемеидов, Селевкидов, Антигонидов.

Данная тема в историографии освящена множеством работ как отечественных, так и зарубежных авторов. Данной теме посвящены работы Ф. Шахермайра, Ф. Шаму, Г. Бенгтсона, И. Дройзена, П. Фора, Ф. Грэхема, Д. Форкони, А. С. Шофмана, И. Ш. Шифмана, Б. Г. Гафурова, С. А. Жебелева. Несмотря на большое количество исследователей, занимавшихся этой темой, она до сих пор остается открытой и сохраняется множество «пробелов», вызванных отчасти неполными сведениями источников, отчасти разногласиями исследователей во множестве вопросов касательно данного периода, так как период 323 – 280 г. до н. э. чрезвычайно насыщен всевозможными историческими событиями. Новизна проведенной работы заключается, в первую очередь, в попытке анализа сведений источников и трудов исследователей, сопоставления их противоречий и устранения «белых пятен» в истории данного периода, а также в изучении процесса трансформации державы Олександра в ряд эллинистических монархий.

Данная тема широко освещена в источниках. Труды Диодора Сицилийского, Плутарха, Квинта Курция Руфа, Помпея Трога, Арриана, Павсания составляют основу источниковой базы. Проблема заключается в том, что, зачастую, сведения источников или противоречат друг другу или искажены под влиянием тех или иных факторов, влиявших на авторов. Представленные выше историки писали свои труды уже значительно позже, нежели произошли затрагиваемые события. Основываясь на трудах современников данных событий, которые могли, к примеру, принадлежать к различным домам, соперничавшим друг с другом и иметь заведомо предвзятое отношение к происходящим событиям, авторы также составляли свое впечатление, подавая сведения с положительным или отрицательным оттенком.

При написании работы были использованы историко-сравнительный, проблемно-хронологический, нарративный методы, метод синтеза. Так, Диодор в «Исторической библиотеке» в различных главах описывает события от 323 г. до н. э. – смерти Олександра, до 301 г. до н. э. – битвы при Иссе, подробно останавливаясь на основных событиях той эпохи. Период же с 301 г. до н. э. до 280 г. до н. э., описанный в XXI книге, практически не освещен, так как сам источник сохранил лишь небольшие фрагменты. Труд Диодора не несет отрицательной направленности по отношению к данному периоду, Диодор уделяет большое влияние личностным качествам диадохов, сражениям, договорам. Период же с 301 г. до н. э. по 280 г. до н. э. освещен Юстином в «Эпитоме Помпея Трога», где автор негативно относится как к Филиппу и Олександру, так и к их завоеваниям и последующим событиям после смерти Олександра, что составляет определенные трудности для формирования работы исследователем. Важную роль играют также «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, а, конкретно, биографии Олександра, Пирра, Деметрия Полиоркета, Эвмена, несмотря на дидактический характер произведения и преувеличение добродетелей, и сглаживание недостатков описываемых исторических деятелей. Таким

образом, видим, что сведения источников могут иметь разительно различный подход к изложению фактов, что составляет трудность в написании данной работы.

До питання про формування хори Херсонеса Таврійського у Північно-Західній Тавриці

Котенко Вікторія

Національний університет "Києво-Могилянська академія"

kotenko_viktoria@mail.ru

Заселення Північно-Західної Таврики мало свої причини та історичні передумови. Внаслідок бурхливого економічного розвитку та можливого нового притоку колоністів, на середину IV ст. до н. е. простежено збільшення населення херсонеського поліса. Це змусило населення освоїти нові території на північ від Херсонеса, які й склали хору держави. За елліністичної доби Херсонес Таврійський розширив свої володіння і на початок III ст. до н. е. вони набули максимального розміру. У цей час відбулося освоєння обширної внутрішньої території, придатної для ведення сільського господарства, спочатку в найближчій місцевості, на Гераклеїському півострові, а потім і в Північно-Західній Тавриці.

Ще й досі немає єдиної думки щодо передумов та процесу формування в цьому районі херсонеської хори. Враховуючи значну історію вивчення цього питання, доцільним здається зіставити існуючі гіпотези про заселення давніми греками Північно-Західної Таврики та археологічні матеріали, отримані в процесі багаторічних досліджень пам'яток регіону. Слід розрізняти різні методичні підходи, на яких базувалися при цьому дослідники. Ще півстоліття тому О. М. Щеглов запропонував дивитися на заселення регіону як на результат економічного становища Херсонеса, яке характеризувалося нестачею родючих земель для заняття сільським господарством в околицях полісу. С. Ю. Саприкін розглядав проникнення греків у регіон як стратегічні дії Гераклеї Понтійської, яка намагалася сформувати тут джерело надходження зерна. Але, як зауважив С. Б. Ланцов, переважання гераклеїського імпорту в керамічній тарі в першій половині IV ст. до н. е. характерне для всього Північного Причорномор'я. Ця дискусія свідчить, що традиційний для радянської історіографії суто економічний підхід зараз не може задовольнити всі проблемні питання, пов'язані з проникненням Херсонеса Таврійського в цей період.

Історичні гіпотези, які намагаються пояснити процес заселення Північно-Західної Таврики, значною мірою пов'язані з проблемою взаємовідносин грецького і варварського етносів. До нашого часу залишається відкритим питання безперешкодного проникнення еллінів у регіон, де вони повинні були зіткнутися зі скіфами. О. М. Щеглов пов'язав процес розселення херсонеситів із розпадом скіфської держави після смерті Атея в 339 р. до н. е. Але ще за життя царя економічне та політичне ядро скіфської держави перебувало в Нижньому Подніпров'ї, а не в Криму, та, з іншого боку, скіфи залишалися сильними навіть після смерті Атея, оскільки зуміли протистояти війську Зопіріона в 331 р. Археологічно не підтверджується припущення про військову колонізацію регіону і про трактування зведення фортифікацій в якості засобу оборони проти скіфів – складно уявити настільки масштабне будівництво у ворожому середовищі. Крім того, відомі численні випадки існування неукріплених ділянок на поселеннях ще до початку зведення оборонних комплексів. До того ж, до IV ст. до н. е. в регіоні практично не фіксуються скіфські поховання, що вказує на відсутність стабільного заселення регіону до появи гераклеїців.

На думку С. Б. Ланцова, розселення греків, що супроводжувалося зведенням баштових споруд, було можливим у разі загальної небезпеки як для еллінів, так і для варварів з боку македонського морського десанту. Проте, ця версія не підкріплена додатково письмовими джерелами, тому її правомірність можна з більшою впевненістю обмежити лише загальними міркуваннями про мирне співіснування скіфів і греків на час заселення останніми Північно-Західної Таврики. До того ж, з накопиченням інформації з розкопок поселень, стає очевидним поліфункціональний характер оборонних споруд, в якому захисний аспект відігравав далеко не першорядну роль. Виходячи з цього, херсонесити,

ймовірно, прийшли на незаселені землі, але не виключали небезпеку з боку кочівників, чим можна пояснити настільки незвичайне будівництво на хорі Херсонеса Таврійського.

Храм Сераписа в топографии позднеантичной Александрии

Руднева Мария

БелГУ

mariya.rudneva.91@mail.ru

Культ синкретического божества Сераписа получил распространение в эллинистический период. В Александрии Египетской он приобрёл особое значение, что было обусловлено этно-конфессиональным составом населения и историко-культурным развитием региона в целом. В городе было несколько сооружений, посвящённых Серапису, однако, крупнейшим из них, известным в большей части ойкумены, являлся храм Сераписа в Ракотиде. Этот храмовый комплекс, по сведениям авторов источников, ко времени поздней античности стал крупнейшим культурным и научным центром Александрии, размещал фонды знаменитой библиотеки, и поэтому его изучение является одним из важнейших аспектов рассмотрения топографии позднеантичной Александрии. Долгое время в науке данная проблема оставалась недостаточно изученной ввиду неполного и противоречивого характера письменных источников. Археологические исследования не могли ответить на многие вопросы. Это связано с целым рядом факторов, затрудняющих проведение раскопок древней Александрии. В ходе археологических работ, проведенных А. Роу во время Второй мировой войны (1944 г.), были обнаружены остатки фундамента храма, что дало важный импульс в последующем его изучении. Среди современных учёных можно выделить работы P. Chuvin, R. MacMullen, A. Adriani, C. Haas, M. Sabottka и др. Был произведён комплексный анализ источников, содержащих информацию по обозначенной теме. Письменные источники по данной проблеме: «Призыв к грекам» (Protrepticus) Климента Александрийского (ум. ок. 217 г.); «История» Аммиана Марцеллина (ок. 330 – после 395 гг.), в оригинале «Res Gestae» («Деяния»); «Церковная история» Руфина Аквилейского (345–410 гг.); «Церковная история» Сократа Схоластика (ок. 380–439 гг.) и одноименное произведение Эрмия Созомена Саламинского (ок. 400–450 гг.); «Жизнеописания софистов» Евнапия (ок. 347–420 гг.); «Хроника» египетского коптского священника Иоанна Никиусского (ок. 40-х гг. VII в. – ?). С момента своего строительства во время правления Птолемея I Сотера (в 323–283/282 гг. до н. э.) и до разрушения в 391 г., храм многократно перестраивался и расширялся. В период правления Птолемея III (246–222 до н. э.) архитектор Пармениск построил основное святилище Сераписа и двор с колоннами. Внутри здания находилась колоссальная статуя скульптора Бриаксида, созданная в эллинистических традициях. Большая часть Серапеума была построена в римский период. Примерно в 181 г. н.э. храм эллинистического времени сгорел во время пожара, после чего, в процессе восстановления, он был расширен, обнесен одним рядом коринфских колонн (периптер). У него появился и атриум, из которого можно было попасть в разветвленные подземные помещения. В правление императора Клавдия (41–54 гг.) храм доводится до размера самых крупных святилищ (185х92 м). Единственное сохранившееся наземное сооружение - колонна Помпея, в действительности возведенная в честь Диоклетиана после 297 г., высота которой составляет 26,85 м. Авторы источников отмечают грандиозность храма и важную позицию, которую он занимал в позднеантичной топографии города. Также, важность храмового комплекса подтверждается многочисленными мистериями и праздничными шествиями, в центре которых было здание храма. Разрушение храма в 391 г. по инициативе патриарха Феофила с разрешения императора имеет ряд проблем ввиду неоднозначной оценки событий авторами источников. Приводятся разные причины разрушения, имеются расхождения в подробностях описываемых событий и последующей судьбе места расположения храма. Однако исследователи сходятся во мнении, что это событие стало кульминацией движения за пресечение всех нехристианских культов в Египте, окончательно победившее в V в.

Наследие малых аттических ораторов: речи Гиперида

Цоциашвили Юлия

БелГУ

588751@bsu.edu.ru

Ораторское искусство IV в. до н. э. весьма интересно. Его памятники – это великолепные источники для погружения в социальный образ мысли, настроений и, конечно, одно из наиболее интересных пособий для изучения политической борьбы. На основании изучения научной литературы и письменных источников в переводе исследуется значение риторики в жизни афинян. В настоящее время в истории риторики выделяют группу малых аттических ораторов, к которым относят Гиперида, Ликурга, Динарха, Эсхина – весьма известных представителей публичного красноречия в Афинах в IV в. до н. э. Несмотря на принадлежность к одной группе, их взгляды сложно назвать схожими. Так, например, Ликург и Гиперид являлись так называемыми «защитниками полисной свободы и автономии». Эсхин и Динарх мыслили иначе, считая необходимым единение под эгидой македонских царей. Исследование риторических сочинений давно привлекает внимание учёных (А. Pickard, Э. Д. Фролов), однако, основное внимание уделяется наиболее известным ораторам – Демосфену (С. И. Радциг, М. В. Мищенко) и Исократу (В. И. Исаева). Помимо анализа речей, особый интерес также представляют описания жизни выдающихся ораторов, создаваемые с античных времён (Плутарх, Дионисий Галикарнасский). Начиная с XIX в. ведётся активная работа по переводу и интерпретации текстов: так, на 1847 г. из речей Гиперида были известны лишь небольшие фрагменты, а открытые позднее папирусы принесли развернутые фрагменты ещё 6 речей. Сочинения малых аттических ораторов и, в частности, Гиперида, посвящены одним и тем же политическим процессам, поэтому носят сходные названия: «Против Демосфена», «Против Филоклея». К сожалению, речь против Филиппида (Kata Philippidu), как и многие другие речи, сохранилась фрагментарно, но это позволяет проследить приемы, которыми так славился Гиперид. Кроме того, его речи, составленные для ведения судебных дел, отличались высоким уровнем мастерства. Он приводит аргументы, тем самым, усиливая впечатление от речи. В написании речи Гиперид ориентируется на оппонента, зная его манеру вести такого рода дела. Древние ставили Гиперида рядом с Демосфеном, а порой и выше, так как его речи отличало благородство. Частично он брал за образец ораторское искусство Исократа, частично – Лисия. Особый интерес для нас представляет дошедшая до нашего времени речь против Леократа. Это еще одна судебная речь, но она интересна тем, что затрагивает интересы государства. В ней автор сумел развернуть обвинение, в предательстве призывая и существующие законы, идеологические устои. Наследие малых аттических ораторов, на примере изучения речей Гиперида, позволяет по-новому взглянуть на протекавшие в Афинах политические процессы, знаменовавшие начало нового периода в греческой и всей античной истории – эллинистической эпохи.

Социальная структура минойского общества: опыт реконструкции

Яцына Ангелина

ХНУ имени В. Н. Каразина
yatsina93@gmail.com

На сегодняшний день тот факт, что минойское общество находилось на стадии цивилизационного развития, не вызывает сомнений. Одним из критериев «цивилизованности» принято считать формирование социально неоднородного общества. В эпоху существования Минойской цивилизации этот процесс прослеживается достаточно отчетливо. Хотя линейное письмо А и не дешифровано, археологические материалы, данные историко-мифологической традиции, отдельные сведения текстов линейного письма Б позволяют воссоздать в общих чертах социальный облик минойского общества.

С началом эпохи бронзы критское общество вступило в новую фазу своего развития. Она характеризуется заметным ускорением темпов роста населения, что подтверждается распространением на Крите общинных некрополей с усыпальницами, предназначенными для массовых захоронений. Планировка раннего минойского поселения Миртос, по мнению П. Уоррена, предполагала социальную организацию, основу которой составляла община, разделенная на отдельные семьи. В эпоху «новых дворцов» минойское общество, по-видимому, включало в себя две обособленные социальные группы: дворцовую знать и крестьян-общинников.

Во главе Минойского государства стоял царь, которому приписывалось божественное происхождение. Единственный известный ныне критский владыка – Минос, по словам Гомера, был сыном Зевса. Ближайшее окружение правителя составляли сановники-военачальники. Диодор Сицилийский называет их вождями, упоминая, что за свою службу они получали в дар какой-нибудь город или остров. Минойская элита, к которой, вероятно, относились дворцовые чиновники, жрецы и жрицы, провинциальные и окружные наместники, проживала на территории аристократического анклава, обособленного от основного жилого массива дворцового комплекса. Знать была вовлечена в систему дворцовой администрации, о чем свидетельствуют находки в «элитных» домах печатей, а также табличек с текстами, выполненными знаками пиктографии и линейного письма А.

Крестьяне-общинники относились к непривилегированному сословию минойского общества. Их поселения, среди которых наиболее известны Гурния, Палекастро и Псира, расположены вдали от дворцовых центров. Ремесленники и купцы могли составлять отдельную социальную группу – квалифицированный персонал. Свидетельством этого может служить тот факт, что в рамках одного поселения, наряду с тесными и невзрачными домами, встречаются и благоустроенные. В 2013 г. в Гурнии найдено здание, стены которого покрыты красной штукатуркой, в доме имелись туалетные комнаты, световые колодцы, дворик, вымощенный каменными плитами. Здесь, вероятно, проживала семья ремесленников, занимавшихся гончарством и ткачеством, о чем свидетельствуют находки гончарного диска, сферических весов и грузила. Ремесленники и купцы, не принадлежавшие к дворцовой знати, но выделявшиеся на фоне крестьян, могли обеспечивать экономическую связь между поселением и дворцом, будучи «внедренными» в общинную структуру минойского общества.

В критском обществе, по-видимому, имелись рабы. Страбон называет их «мноями», а Афиней, пишет, что «мнотами» именуют благородных слуг. Этимологически *μνώτης* связывают с *δόμος* (жилище) или *δόμνῃσι* (укрощать). Термин «мноий» сравнивают с именем критского царя Миноса. В корне *mīn*, впоследствии, происходит выпадение гласного, как, например, в критском топониме *Ἀμνῖός*, а в текстах табличек линейного письма Б встречается надпись A-mi-ni-so. Вероятно, она скрывает в себе минойский титул со значением «правитель», «царь». Поэтому термин «мноий», предположительно, следует интерпретировать как «царские», «принадлежащие царю». «Мноев» можно назвать

«царскими слугами» и выделить их в такую особую социальную группу, как обслуживающий персонал.

Таким образом, в эпоху Мinoйской цивилизации на Крите шел процесс формирования нового типа социальных отношений. Приведенные данные позволяют говорить о существовании в минойском обществе таких категорий населения, как дворцовая знать, средние слои общества и зависимые лица.